

THE
CRAFT

МАСОНЫ

КАК ВОЛЬНЫЕ КАМЕНЩИКИ СФОРМИРОВАЛИ СОВРЕМЕННЫЙ МИР

ДЖОН ДИККИ

ДЖОН ДИККИ

**Масоны. Как вольные каменщики
сформировали современный мир**

«Азбука-Аттикус»

2020

УДК 351.752.16
ББК 86.42 + 66.7

Дикки Д.

Масоны. Как вольные каменщики сформировали современный мир
/ Д. Дикки — «Азбука-Аттикус», 2020

ISBN 978-5-389-20623-6

История масонства неразрывно связана со многими выдающимися личностями, среди которых Уинстон Черчилль и Уолт Дисней, Вольфганг Амадей Моцарт и Шакил О'Нил, Бенджамин Франклин и Базз Олдрин, Джузеппе Гарибальди и Артур Конан Дойл, Генри Форд и Сесил Родс, Редьярд Киплинг и Буффало Билл. Основанное в Лондоне в 1717 году как объединение вокруг идеалов, формирующих характер, масонство за два десятилетия распространилось по всему миру. При Джордже Вашингтоне оно создало мировоззрение американской нации; масонские сети скрепляли Британскую империю; при Наполеоне масонские ложи превратились в орудие авторитаризма, а затем в прикрытие революционного заговора. Масонству обязаны своим происхождением мормонская церковь и сицилийская мафия. Сегодня в Великобритании насчитывается 400 тысяч масонов, в США их более миллиона, а по всему миру – около шести миллионов. Книга профессора Джона Дикки представляет собой увлекательное исследование течения, которое не только участвовало в формировании современного общества, но и по-прежнему обладает существенным влиянием. «Задумывая эту книгу, я хотел отразить все многообразие человеческих переживаний, связанных с масонством, которого не найти ни в рассказах самих масонов, ни в том, что пишут их недоброжелатели и гонители. Я старался не сводить его к набору особенностей и закономерностей, поэтому решил представить некоторые географические места и эпохи, которые были особенно значимы для истории братства. Расследование нам предстоит очень трудное, но и чрезвычайно интересное. Мифы и заблуждения вплелись в самую ткань истории масонства и уже от нее неотделимы. В самом центре ее лежит священнодействие, которое начинается у входа в храм и разворачивается вне времени и пространства». (Джон Дикки) В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 351.752.16

ББК 86.42 + 66.7

ISBN 978-5-389-20623-6

© Дикки Д., 2020

© Азбука-Аттикус, 2020

Содержание

1		8
2		17
3		25
	«Г» означает...	25
	Шотландский Соломон	28
	Вольные и принятые каменщики	33
4		37
	Последний камень	37
	Доктор Дегаюлье	41
	Конец ознакомительного фрагмента.	42

Джон Дикки

Масоны. Как вольные каменщики сформировали современный мир

Посвящается Ирис, Шарлотте и Эллиоту

John Dickie
THE CRAFT
How the Freemasons Made the Modern World

Впервые опубликовано в Великобритании в 2020 году издательством Hodder & Stoughton, подразделением Hachette UK

© John Dickie, 2020
© Greg Coulton, cover illustration
Значок шпателя: © British Library Board. All Rights Reserved / Bridgeman Images

© Фролов В. И., перевод на русский язык, 2021
© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2021
КоЛибри®

* * *

Кто такие масоны и почему к их обществу относились как с фанатичной преданностью, так и с лютой ненавистью? Доскональное, беспристрастное и убедительное исследование феномена масонства.

The Wall Street Journal

Среди несомненных достоинств этой книги – широкие географические и временные рамки повествования, которое включает в себя истории о хорошо известных личностях, таких как Бенджамин Франклин и Редьярд Киплинг, наряду с другими, способствовавшими распространению масонства по всему миру.

Рут Скурр, историк, научный сотрудник Кембриджского университета, финалист Букеровской премии

Увлекательное превращение легенд и мифов в подкрепленную фактами историю.

The Economist

Блестящий анализ причин привлекательности масонского братства для столь многих людей в различных частях Британской империи и его поразительной популярности в США. В книге также рассмотрена мрачная история подозрений и преследований масонов.

Дэррин Макмахон, историк, преподаватель Дартмутского колледжа Лиги плюща

Захватывающий рассказ о масонстве, его многочисленных ритуалах и символах, о ложах, собраниях и мировых знаменитостях. Настоящее историко-литературное достижение!

Fortean Times

Читается как приключенческий роман, глубина исследования впечатляет.

The Times

В этой работе разоблачаются теории заговора, а легенды проходят проверку реальностью.

Die Welt

Подробная и потрясающе написанная книга о масонах от известного историка.

Südwestrundfunk (SWR2)

Автору удалось создать захватывающее повествование о вольных каменщиках, не занимая ничью сторону в многовековом конфликте между теми, кто прославляет масонов, и теми, кто их критикует.

Kölner Stadt-Anzeiger

Содержательный анализ истории и современного состояния мирового масонства.

WDR 3 Gutenbergs Welt

Проницательное исследование фактов и исторических связей. Новый шедевр талантливого автора международных бестселлеров.

Humanität

Живая история масонства, в которой освещаются все темные уголки. Немалое достижение, результат пяти лет исследований. Яркое представление череды колоритных персонажей на протяжении нескольких веков мировой истории.

Der Standard

В этой работе, написанной с мастерством талантливого рассказчика, раскрываются многие секреты масонского братства.

Neue Zürcher Zeitung

1

Лиссабон

Тайны Джона Кустоса

14 марта 1743 года Джон Кустос, сорокалетний ювелир из Лондона, выходил из лиссабонской кофейни, как вдруг был схвачен, закован в кандалы и брошен на заднее сиденье экипажа. Вскоре он оказался у дворца Эстауш, одно упоминание которого наводило страх на всю Европу. Расположенный на северной стороне площади Росиу, этот дворец, некогда используемый для размещения иноземных гостей, теперь был штаб-квартирой святой инквизиции.

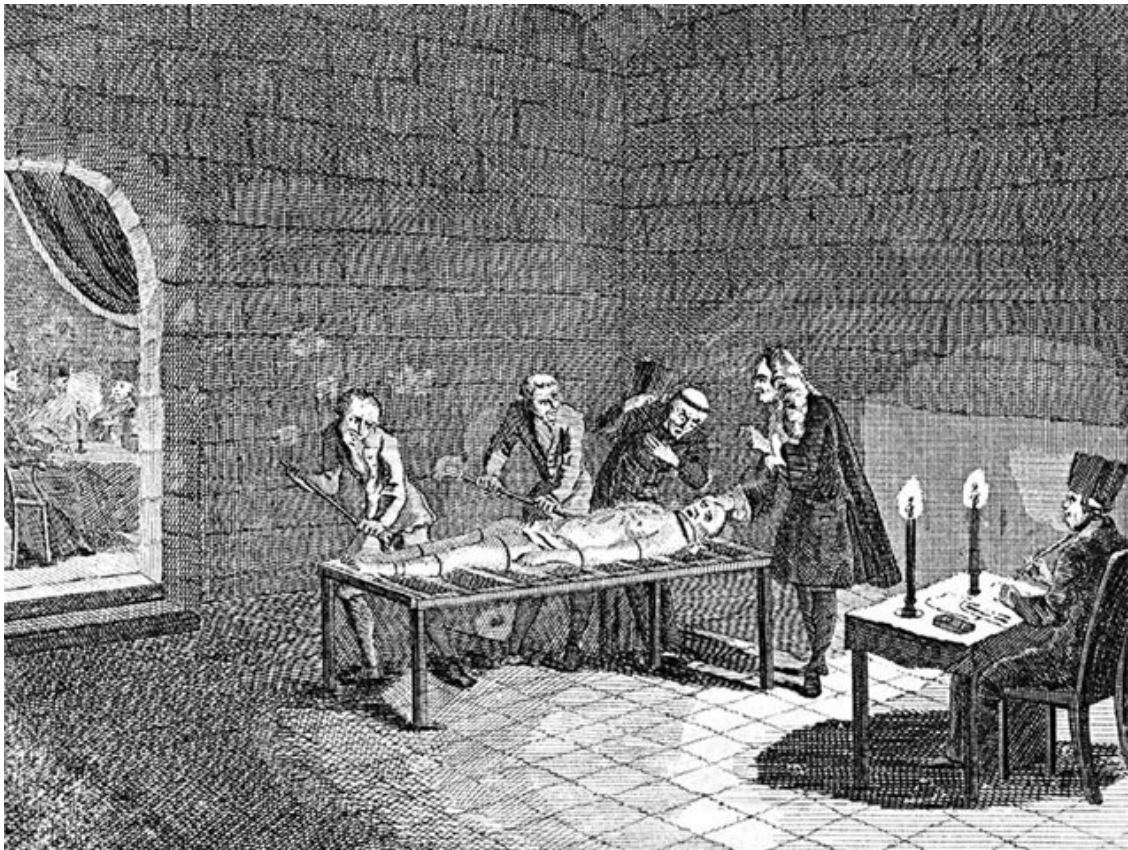
Так же как и сотням ведьм, еретиков и евреев, побывавших здесь до него, Кустосу выстригли волосы, а затем приказали снять и отдать всю одежду кроме нижнего белья. Он был заперт в темнице, где соблюдался строжайший режим. Полная изоляция и тишина: несчастного из соседней камеры, который никак не мог унять кашель, избили до потери сознания. Не позволялось общаться ни с друзьями, ни с родственниками. Никаких вещей, никаких книг – даже Библии. Ничто не должно заглушать пробуждаемой Господом совести. Ничто не должно отвлекать заключенного от мыслей о предстоящих ужасах неумолимого *аумодафе*. Этот торжественный акт религиозного правосудия начинался с молитв и богослужений, а заканчивался публичной казнью. При этом возможны были два исхода: того, кто в последнее мгновение принимал блага католического вероучения, милосердно удушали, а более спесивых обрекали на невыразимые муки всеочищающего пламени.

По сохранившимся свидетельствам самого Кустоса, инквизиторы сначала допрашивали его в заботливо-душеспасительной манере, однако ответы их явно не устроили. В конце концов он предстал перед главным инквизитором, который предельно равнодушным тоном зачитал обвинения:

За нарушение указов Святейшего Папы, за состояние в секте франкмасонов, которая являет собой отвратительный сплав из святотатства, содомии и других страшных преступлений, что подтверждают окружающая сию секту нерушимая тайность и недопущение к оной женщин, – и таким образом за тягчайший проступок перед королевской властью вышеозначенный Кустос, отказавшийся раскрыть перед изыскателями подлинные намерения и замыслы франкмасонов и даже стоявший на противном, называя деяния секты благими, должен быть предан самому строгому суду, который намерен употребить всю свою власть и в случае необходимости даже прибегнуть к пытке.

Кустоса перевели в квадратную комнату без окон, находившуюся в башне. Дверь была обита тканью, чтобы снаружи не было слышно криков. Освещали помещение лишь две свечи, стоявшие на столе секретаря, который уже был готов записать признание. Из темного угла на заключенного смотрели доктор и хирург.

Кустоса схватили четверо дюжих молодцев и уложили его на горизонтальную дыбу, закрепив голову железным ошейником. Ноги и руки продели в специальные кольца, приладили веревки и резким рывком растянули все конечности до предела. Затем веревки накрутили на валики, а их концы оказались в руках у мучителей. Сначала Кустос почувствовал, как натянулись веревки, затем они начали врезаться в кожу все глубже и глубже. Вскоре пол под ним был весь забрызган кровью. Как ему было сказано, если в ходе пытки он умрет, то виной тому будет только его упрямство. На фоне собственных криков Кустос слышал голос инквизитора и вопросы, которые ему задавались уже много раз: «Кто такие франкмасоны? Кто входит в секту? Что происходит на собраниях лож?» Через какое-то время он потерял сознание, его отнесли обратно в темницу.

© British Library Board. All Rights Reserved / Bridgeman Images

© The Trustees of the British Museum

Спустя два месяца Кустосу устроили второй допрос, на этот раз решив прибегнуть к жуткому методу *strappado* («подвешивание»). Руки связали сзади так, что тыльные стороны ладоней касались друг друга, и затем веревку, переброшенную через кольцо, тянули вниз, поднимая таким образом руки вверх. В итоге плечи вылетали из суставов, кровь текла ртом. Кустос молил небеса даровать ему терпения, а инквизиторы тем временем продолжали опрос: «Масонство – это религия? Почему в ложе не допускаются женщины? Это потому, что вы содомиты?»

Доктора вправили кости, и Кустосу было дано два месяца на восстановление. Затем допрос продолжился. На этот раз вокруг его тела обвязали цепь, которую затем закрепили на запястьях. Посредством блоков цепь постепенно затягивалась, сжимая все внутренности и выворачивая запястья и плечи. «Почему все собрания франкмасонов проходят тайно? Что вы скрываете?»

По свидетельству Кустоса, он провел почти полтора года в застенках дворца Эстауш, претерпевая пытку девять раз. В конечном итоге 21 июня 1744 года он вместе с другими несчаст-

ными должен был быть провезен по улицам города и затем сожжен на костре. Однако ему повезло. Восмерых его товарищей по несчастью действительно сожгли, в то время как Кустоса приговорили к четырем годам рабского труда на галерах. До того, как приговор был приведен в исполнение, ему удалось связаться с друзьями, которые подключили британское правительство. В итоге Кустос был освобожден.

Добравшись до Лондона 15 декабря 1744 года, он принялся за мемуары. Но не успел он начать, как в 1745 году вспыхнуло якобитское восстание. «Красавчик принц Чарли» из дома Стюартов поднял знамя над горами Северной Шотландии, намереваясь вернуть трон своего деда и возродить в стране католицизм. Якобитская армия дошла до Центральной Англии, так что даже в самом Лондоне начали паниковать. Впрочем, вскоре мятеж был подавлен, но в народе проснулся вкус к книгам, живописующим изуверства католической церкви. Таким образом, «Страдания Джона Кустоса за дело масонства» (The Sufferings of John Coustos for Free-Masonry), дополненная гравюрами с изображением всех перенесенных автором пыток, вышла в свет в самый подходящий момент. Кустос стал знаменит. Книга была переведена на множество языков и печаталась вплоть до середины XIX века. Неудивительно, ведь это был первый мученик за «нерушимые тайны» франкмасонов.

Впрочем, все было не совсем так, как описал Кустос.

Спустя два столетия в Лиссабоне в архивах нашли расшифровку допросов Кустоса, и оказалось, что он выдал многие из масонских тайн, которые некогда поклялся хранить даже перед лицом смерти. Однако, вообразив все предстоящие мучения и жар костров *аутодафе*, он решил поступить благоразумно. Не успели инквизиторы сформулировать вопросы, как ответы ими уже были получены.

Конечно, признания не спасли Кустоса от некоторой доли мучений. В конце концов, инквизиторам зачастую и повод был не нужен. Кустос дважды был на дыбе, но всякий раз не более пятнадцати минут. Как говорится, для верности. Но никто его не подвешивал, не обвязывал цепью и не повергал другим диковинным пыткам.

Также Кустос не рассказал своим читателям, что португальским инквизиторам в принципе не было никакой нужды его допрашивать, потому что ответы на все их вопросы можно было найти в изданной еще в 1730 году книге Сэма Причарда «Масонство в разрезе». Разоблачения тайн масонов почти так же стары, как само масонство. Да и тайн как таковых, по сути, никогда и не было.

Очевидно, Кустосу очень хотелось окружить себя ореолом героизма. И вот, оказавшись на свободе и взявшись за перо, он заложил фундамент для мифа о том, что франкмасоны – хранители некой судьбоносной и грозной тайны, которой лишь немногим дозволено причаститься и которая охраняется любой ценой.

«Нерушимые тайны» масонов загадочны и потому столь притягательны. Именно так и подогревался интерес – порой нездоровый – к масонскому братству. Хранить тайны масонов было одновременно почетно и опасно. В конце концов, придание флера таинственности – это особый род игры, и Кустос вместе с инквизиторами вольно или невольно стали участниками этой игры. Впрочем, для масонов в целом и для Кустоса в частности важны были даже не сами тайны, а разговоры о них. При этом таинственность неразрывно связана с масонством еще и потому, что, разгадав эту загадку, мы откроем для себя немало сведений, фактов и теорий относительно того, как был создан мир, в котором все мы сегодня живем.

Кустос выдал своим мучителям особенности проведения загадочных ритуалов, на которых зиждется жизнь масонского братства, а также рассказал о лежащих в их основе идеях. И именно эти ритуалы и эти идеи, формально хранящиеся под покровом тайны, необходимы для понимания масонства. Во второй главе я, полагаясь, помимо прочего, и на признания Кустоса, расскажу о масонских ритуалах. Однако одними ритуалами история масонства не исчерпывается. Как показывает нам история Кустоса, перед тем как погрузиться в основные тайны масон-

ства, следует понять, чего мы вправе ожидать от истории масонства и от столь важной для нее атмосферы таинственности.

Ко времени ареста Кустоса святой инквизицией франкмасонство, также именуемое его последователями братством, или искусством, было широко распространено почти по всей Европе. В то время масоны возводили свой род к строителям Храма царя Соломона. Сегодня же благодаря серьезным научным изысканиям известно, что документально подтвержденная история началась за полтора столетия до Кустоса. О зарождении франкмасонства я расскажу в третьей главе.

Итак, когда Кустос был заключен под стражу, масонство как общественное явление было еще всем в новинку. В 1717 году в результате сложных махинаций у масонства появились новая система организации и новый устав. Вскоре после этого его популярность начала стремительно расти, и ложи начали создаваться во всех концах света. Можно сказать, что наравне с теннисом, футболом и гольфом масонство – один из наиболее ярких примеров успешного культурного экспорта Великобритании. Именно из Лондона масонство – в том числе усилиями Кустоса – попало во Францию и затем в Португалию. В четвертой главе мы вернемся ко временам Кустоса и опишем, каким образом в Лондоне зародилось движение, впоследствии ставшее значимой частью мировой истории.

С тех времен суть масонства принципиально не изменилась: это братство мужчин, и исключительно мужчин, которые дали клятву заниматься самосовершенствованием. При этом для такого совершенствования используется метод, подразумевающий проведение определенных ритуалов. Происходит это обособленно от внешнего мира и с использованием особой символики. Основные символы взяты из быта каменщиков. Отсюда и название (франкмасоны – *букв.* «вольные каменщики»), отсюда – циркуль и наугольник, фартук и перчатки.

Если бы история масонства этим ограничивалась, она бы не стоила нашего внимания. Она насыщена событиями и притягивает всеобщее внимание благодаря ореолу таинственности. Именно тайны братства разожгли интерес в сердцах многих миллионов мужчин со всего света. В 1743 году на допросе Кустос признался, что окружающая масонство таинственность в том числе нужна для разжигания интереса и привлечения новобранцев: «Поскольку тайность естественным образом возбуждает любопытство, с ее помощью в ряды общества попало так много новых людей». Много людей, и людей непростых. Масоны гордятся выдающимися личностями, состоявшими в их рядах. Кустос признался, что почитает за честь состоять в обществе, к которому принадлежат несколько монархов, кронпринцев и других исключительных особ. Действительно, многие стремились стать масонами ради того статуса, который обеспечивала причастность к столь исключительной компании. И гарант этой исключительности – таинственность: масона от непосвященного в первую очередь отличает знание тайн братства, что бы под ними ни подразумевалось.

Со времен Кустоса список известных людей, принадлежащих к той или иной ложе, постоянно увеличивался. Масоны больше всего гордятся теми из своих братьев, которые принимали непосредственное участие в важнейших исторических и политических событиях – Джузеппе Гарибальди, Симоном Боливаром, Мотилалом Неру, Джорджем Вашингтоном. Последний стал членом ложи через шесть лет после первого издания «Страданий Джона Кустоса». Масонами были пять английских королей и не менее четырнадцати президентов США. К франкмасонам относились многие писатели: национальный поэт Шотландии Роберт Бёрнс, автор знаменитых «Опасных связей» (1782) Пьер Шодерло де Лакло, создатель Шерлока Холмса Артур

Конан Дойл, а также титан немецкой словесности Иоганн Вольфганг Гёте. Композиторы, включая Моцарта, Гайдна и Сибелиуса, также относились к числу «вольных каменщиков». Были среди них и известные спортсмены – гольфист Арнольд Палмер, выдающийся крикетист из Гайаны Клайв Ллойд, боксер Шугар Рэй Робинсон, баскетболист Шакил О’Нил. Из представителей индустрии развлечений следует назвать знаменитого иллюзиониста Гарри Гудини, актера Питера Селлерса, музыканта Нэта Кинга Коула, комика Оливера Харди. К масонам-предпринимателям относятся такие гиганты, как Генри Форд, Уильям Левер и Сесил Родс. Масоны оставили свой след во всех возможных сферах человеческой деятельности, ведь к ним принадлежали Дэви Крокетт и Оскар Уайльд, Уолт Дисней и Уинстон Черчилль, Базз Олдрин и «Баффало Билл» Коуди, Пол Ревир и Рой Роджерс, Дюк Эллингтон и герцог Веллингтон.

На сегодняшний момент в Великобритании около 400 тысяч масонов, 1,1 миллиона в США, а всего в мире – около 6 миллионов. В прошлом их было намного больше.

Количество и качество в данном случае – ярчайшее доказательство того, насколько притягательной была тайна братства и какое влияние братство оказало на цивилизацию. Многих знаменитых масонов читатель еще встретит на страницах этой книги. Истории их жизни поражают, при этом каждая воплотила идеи масонства неповторимым образом. Но поразительнее всего – сама идея масонства, связывавшая сотни мужчин по всему миру на протяжении столетий нитью тайны.

При этом, где бы масоны ни появлялись, их влияние начинало ощущать все общество в целом. Приведем пример: все мероприятия проходили в масонских ложах в *частном* порядке, постепенно формируя ценность *частной* жизни, однако именно они сформировали ценности, которые мы привыкли ассоциировать с жизнью *общественной*. С давних пор масоны придерживались принципов религиозной и расовой терпимости, демократии, космополитизма и всеобщего равенства перед законом.

Впрочем, в истории, которая развернется на страницах этой книги, пойдет речь не только о ценностях эпохи Просвещения. Там, где свет, всегда есть и тьма. В современном мире, в создании которого в значительной степени поучаствовали масоны, есть место и мировым войнам, и империализму, и установлению диктатур, и религиозному фанатизму.

В связи с этим вернемся к инквизиторам, мучившим несчастного Кустоса. Понимание того, как относились к масонам их недоброжелатели и преследователи, – прекрасное подспорье в понимании того, почему в XVIII столетии масонство наделало столько шума, что и сегодня мы пытаемся восстановить историю этого движения.

В 1738 году папа Климент XII, при котором был построен знаменитый римский фонтан Треви, издал буллу *In eminenti apostolatus specula*, в которой объявлял масонство вне закона, а всех членов масонских лож отлучал от церкви. Инквизиции же было поручено «заняться» делами масонов. И конечно же Джон Кустос был не единственным опальным масоном.

Следует заметить, что папа и инквизиторы заинтересовались масонами небезосновательно. Франкмасонство с самого начала было религиозным, но в некоем темном смысле. Выяснилось, что в ложах существует даже особый способ называть Бога – Великий Архитектор Вселенной, а их члены молятся, дают религиозные клятвы и отправляют ритуалы. При этом масоны всегда подчеркивали, что их «искусство» – не религия, что они ни в коем случае не берут на себя роль третейских судей в конфессиональных вопросах и не относятся ни к какой конкретной богословской традиции. Так говорил инквизиторам и Кустос: «Среди наших братьев запрещено говорить на религиозные темы». Целью этого запрета было предотвращение как внутренних раздоров, так и внешних религиозных конфликтов. Впрочем, неудивительно, что в проповедуемой масонами свободе совести церковники почуяли сернистый запах ереси, к тому же восприняв ее как посягательство на их монополию на истину.

Вызывало подозрение и британское происхождение братства. Действительно, кто знает этих странных англичан с их всемогущим парламентом, выборами и ежедневными газетами? Не скрываются ли за масками масонов британские шпионы?

Возможно, речь идет даже о всемирной сети диверсантов. Международное присутствие, как и британское происхождение, наводило на подобные мысли. Масоны не подчинялись ни одному из земных государей.

Кроме того, состав масонских лож был необычайно разнороден: в них числились торговцы, лавочники, законники, лицедеи, иудеи и даже немногочисленные африканцы. При этом здесь не наблюдалось привычного разделения на могущественных представителей власти и их приспешников. Хотя среди масонов и были дворяне, они не всегда находились на вершине иерархии. Было в принципе непонятно, была ли у масонов хоть какая-то иерархия. И тех, кто привык считать социальную вертикаль богоданной, это настораживало.

Масоны от любой политической ангажированности отрецивались, но это не давало им никакого «алиби», ведь все заговорщики той эпохи делали точно так же. Во времена, когда абсолютная монархия была нормой, политической жизни в нашем понимании не было почти нигде. И поэтому любая более или менее крупная организация с точки зрения власти представляла потенциальную угрозу. Врагов франкмасонства мало интересовал тот факт, что в ложах было в равной степени запрещено говорить и о религии, и о политике.

Итак, в глазах католической церкви масоны были несомненной угрозой. Усугубляла эти опасения и манера держать все в тайне. При этом Джон Кустос утверждал, что его братья не ведут никаких тайных дел, а, напротив, «милосердие и братская любовь» составляют «основание и самую душу общества». Масоны и сегодня говорят точно так же. И ровно такие же сомнения, которые возникали у инквизиторов, мучают и нас: «Если братство масонов столь добродетельно, то почему все его дела так тщательно скрываются?» Современные масоны, услышав, что их называют тайным обществом, как правило, негодуют. «Мы не тайное общество! Мы – общество со своими тайнами». Не самая убедительная реплика. Коль скоро речь заходит о каких-то тайнах, то не спасут ни выверенная честность, ни искренность: всякий, даже умеренно подозрительный человек додумает все, что надо, и придет к выводу, что вы скрываете нечто очень важное. Посему неудивительно, что Ватикан никогда не оставлял своей настороженности к «искусству», считая ложи пристанищем атеистов.

Вокруг братства создается теория заговора, питаемая в первую очередь страхами, и всех недругов масонства роднит вера в нее. С начала XIX века теории о заговоре масонов – от пугающе правдоподобных до нелепых – появляются с завидной регулярностью. Моцарта отравили масоны. Масоном был Джек-потрошитель, и все его злодеяния прикрывали товарищи-масоны. Масоны устроили Великую французскую революцию, они стояли за объединением Италии; распад Османской империи и Октябрьская революция – дела их же рук. Интернет кишит сайтами, посвященными иллюминатам – особому ответвлению масонства, к которому принадлежат Боно, Билл Гейтс и Жау-З. Его члены дали тайный обет воплощать гнусный план по порабощению мира.

Некоторые из мифов о масонах вполне безвредны: они похожи на те страшилки, которые с приятным трепетом рассказывают друг другу подростки и в которые на самом деле никто не верит. Некоторые же из них весьма опасны. Страх масонского заговора стал причиной насильственной смерти тысячи членов лож в XX веке. Масонство до сих пор запрещено в Китайской Народной Республике, а в исламском мире к масонству уже давно относятся с параноидальной мнительностью.

Клятвы хранить молчание, которую дают вступающие в братство, для богатого воображения вполне достаточно. Тайны масонов подобны колодезю, строители которого прекрасно знают его глубину, в то время как остальным остается лишь смотреть на его стенки и строить предположения. Мы глядим вниз, пытаюсь помыслить, что же скрывается за поверхностью

воды, а темная гладь лишь отражает наши же тревоги. По сути, именно поэтому масонство повсюду рождало непонимание, вызывало подозрения и неприязнь. Враги братства – неотъемлемая часть его истории.

Вольные каменщики – наследники почтенной традиции. Каждый масон с удовольствием устроит вам небольшой экскурс в историю братства. Историографические изыскания считаются неотъемлемой частью дела постижения тайн «искусства».

При этом до недавнего времени разглашение истории масонства было под запретом. Непосвященные к библиотекам и архивам Великих лож не допускались. Но потом – примерно полвека назад – наиболее проникательные из братьев поняли, что история масонства слишком значима, чтобы хранить ее под замком только для посвященных. Франкмасоны участвовали в строительстве современного мира, а значит, их история принадлежит всему человечеству. Сегодня историки из непосвященных – нередкие гости в архивах Великих лож. Их работа, дополняющая и стимулирующая деятельность историков-масонов, намечает контуры постоянно растущего поля исследований. Одна из целей этой книги – открыть широкой аудитории результаты этих изысканий.

Впрочем, гордясь своей историей, масоны склонны подменять научные исследования тем, что можно описать как рассказы о самих себе, когда целью автора становится не поиск истины, а поддержание «корпоративного духа». Так, упомянутая нами книга «Страдания Джона Кустоса за дело масонства» стала лекалом, по которому впоследствии были созданы многочисленные работы, черно-белыми мазками рисующие столкновение между терпимыми и мудрыми братьями-масонами и их зловредными, невежественными недругами.

Масонство действительно часто выступало олицетворением братского духа, человеколюбия, нравственности и духовности. Существует такое правило: в братство нельзя вступать, если твой мотив – продвижение по карьерной лестнице или иной личный интерес. И подобные правила действительно имеют вес. Только циник будет считать их лишь прикрытием для гадких дел. Историк, не верящий в то, что благородство – одна из движущих сил масонства, обречен оставаться заложником ограниченного, предвзятого взгляда.

Впрочем, масоны всегда были весьма сдержанными, когда речь заходит об одной из важнейших сторон их деятельности – организации сети связей. Да, как и все люди, масоны создают сети взаимодействия. Действительно, ложа, в общем и целом, – удобный инструмент для организации таких сетей. И здесь нам нужно вступить за масонов. В Великобритании, например, в мужские сети взаимодействия объединяются люди одного социального происхождения, идет ли речь о частных школах или компаниях для похода в паб. И в этом смысле масонское товарищество, не включающее женщин, не кажется чем-то уникальным. Однако в масонских товариществах социальные различия все-таки преодолеваются. Любой масон знает, что во время церемоний перчатки надеваются для того, чтобы не было видно, чьи руки перед нами – герцога или дворника. При этом ложи часто становились оплотом кумовства и интриг. И теории заговора в отношении масонов основывались не только лишь на вымысле. Более того, сама масонская идея о мужском братстве, окутанном мифами и тайнами, стала весьма заразной и вскоре вышла из-под их контроля: ее перенимали и переименовывали бесчисленное число раз. И у сицилийской мафии, и у Ку-клукс-клана есть что-то от франкмасонского «искусства».

Задумывая эту книгу, я хотел отразить все многообразие человеческих переживаний, связанных с масонством, которого не найти ни в рассказах самих масонов, ни в том, что пишут их недоброжелатели и гонители. Я старался не сводить его к набору особенностей и закономер-

ностей, поэтому решил представить некоторые географические места и эпохи, которые были особенно значимы для истории братства. Мой главный принцип – показать, что по большому счету франкмасонство никогда не было по-настоящему сокрыто от общества. Братство возникло в Великобритании в XVII–XVIII веках, но потом, не утрачивая основных характерных черт, менялось и приспособлялось к конкретным обстоятельствам. Взаимодействие масонства и общества – вот что меня интересует. Масоны во многом повлияли на современных мужчин с их идеализмом и любовью собираться в клубы и общества. Что же касается женщин, о них я скажу позже.

С годами любопытство не ослабевает и нас все так же волнуют вопросы: «Что происходит на собраниях лож?», «Что они скрывают?». Да, когда речь заходит о масонстве, все мы становимся чем-то похожи на португальских инквизиторов. Конечно, в эпоху интернета часть тайн раскрылась. Однако мы, немасоны, ничему не учимся, верим каждому новому документальному фильму, обещающему проникнуть в святая святых масонского братства, хотя жанр разоблачения франкмасонства так же стар, как оно само.

Дело в том, что тайны масонов – глубже и богаче, и никакое разоблачение их не исчерпает. Расследование нам предстоит очень трудное, но и чрезвычайно интересное. Мифы и заблуждения вплелись в саму ткань истории масонства и уже от нее неотделимы. Но в самом центре ее, как признавался Джон Кустос, лежит священнодействие, которое начинается у входа в храм и разворачивается вне времени и пространства.

2

Нигде

Загадочная смерть Хирама Абифа

Человек в фартуке с обнаженным мечом оставляет вас без денег, ключей, телефона – всех тех вещей, что привязывают к внешнему миру. Он завязывает вам глаза. На правой руке вам закатывают рукав, а на левой ноге – штанину, так что нога оголена выше колена. Вашу левую руку полностью достают из рубахи, грудь оказывается наполовину оголенной. Через голову на вас надевается веревочная петля.

Вы делаете шаг вперед. Отныне вы – франкмасон.

Мы привели описание, как вступающий в братство впервые входит в ложу. Через нечто похожее прошел и Джон Кустос в знаменитой кофейне «Радуга» (Rainbow) на Флит-стрит. Инициация сопровождается последовательностью ритуалов, которые отмечают переход из одного статуса в другой. В масонстве статус отражен в присваиваемом члену ложи «градусе». И именно ритуалы посвящения окутаны наибольшими тайнами.

Инквизиторы называли ритуалы масонов «нелепыми». Насмешники вторили им на протяжении столетий. Высмеять обряды братства нетрудно, но вы будете совсем не оригинальны. К тому же чем больше я узнаю о масонстве, тем сдержаннее реагирую на отпускаемые в адрес братства шутки, ведь они лишь отдаляют нас от тайн братства, заставляя нас забыть о том, что у нас с масонами немало общего.

Эти ритуалы кажутся нам смешными, но мы не отдаем себе отчета в том, до какой степени пронизана ритуалами наша жизнь. Ведь к ним можно отнести такие обычаи, как пожимать руки при встрече или чокаться перед тем, как выпить. Какой бы компьютеризированной и материалистичной ни становилась наша жизнь, насколько крепко бы мы ни верили в естественный отбор и Большой взрыв, нам совсем непросто отказаться от такой знакомой и такой надежной веры в ритуал. Появление на свет, бракосочетание, смерть – невозможно родиться, жениться или умереть без надлежащего ритуала.

И самый заурядный масон понимает лучше нас, насколько сильна магия безупречно отправленного ритуала. Ритуалы посвящения дают нам возможность ощутить себя по-новому, пережить трансформацию. Ритуалы, воспроизводимые с определенной регулярностью, также создают для людей пространство совместного опыта, общую систему координат. При этом люди, привыкшие к конкретным ритуализированным формам, склонны удивляться ритуалам других. Скажем, я – человек в общем нерелигиозный – вырос в пространстве англиканской культуры, поэтому и мусульманский *хадж* (паломничество в Мекку), и иудейская *брит-мила* (ритуальное обрезание), и индуистские ведические жертвоприношения – все поначалу казалось мне странным и даже диким. Таким же образом при знакомстве с обрядами и терминологией масонов люди обычно находят их по меньшей мере непонятными. Потребуется проявить терпение и эмпатию. Впрочем, если самим масонам нужно запоминать запредельное количество ритуальных фраз и движений, нам – для того чтобы изучить их историю – достаточно ознакомиться лишь с самыми азами.

Вступив в ложу, будущий посвященный со все еще завязанными глазами получает указание встать на колени для молитвы. Затем его три раза проводят вокруг комнаты. В конце концов он предстает перед высшими лицами, или офицерами ложи, которые в первую очередь убеждаются в том, что соискателю уже исполнился двадцать один год, что у него есть хорошая рекомендация и что он – свободнорожденный.

Следуя указаниям Мастера, соискатель ручается, что, во-первых, верит в бога (не обязательно христианского, но какого-либо) и, во-вторых, что его желание стать масоном не связано ни с какими меркантильными или иными дурными устремлениями.

Затем соискатель делает три шага вперед. Каждый следующий шаг длиннее, чем предыдущий. В итоге пятка правой ноги должна упереться во внутреннюю часть левой ноги под правильным углом. Затем соискателю необходимо встать на левое оголенное колено перед алтарем, очертив ногами квадрат. Он кладет руку на Библию, Коран или любое другое избранное им Священное Писание (название любого религиозного текста во время собрания ложи –

Книга священного закона) и клянется никогда не выдавать тайн масонов. Наказания за нарушение этого обета предусмотрены жутчайшие: «...мне перережут горло, вырвут язык, тело закопают в морском песке на линии отлива, где дважды в день море приходит и уходит». Произнеся эту клятву и поцеловав Книгу священного закона, соискатель становится «новообязанным» масоном. После слов Мастера «Да узрит он мир» с него снимают повязку и рассказывают ему о «трех великих светочах». Первый лежит перед ним: Книга священного закона есть путь к вере. Другие два – особые масонские символы, встречающиеся на зданиях, фартуках и лацканах по всему миру: наугольник, означающий прямоту и незыблемость, и циркуль, означающий самоконтроль.

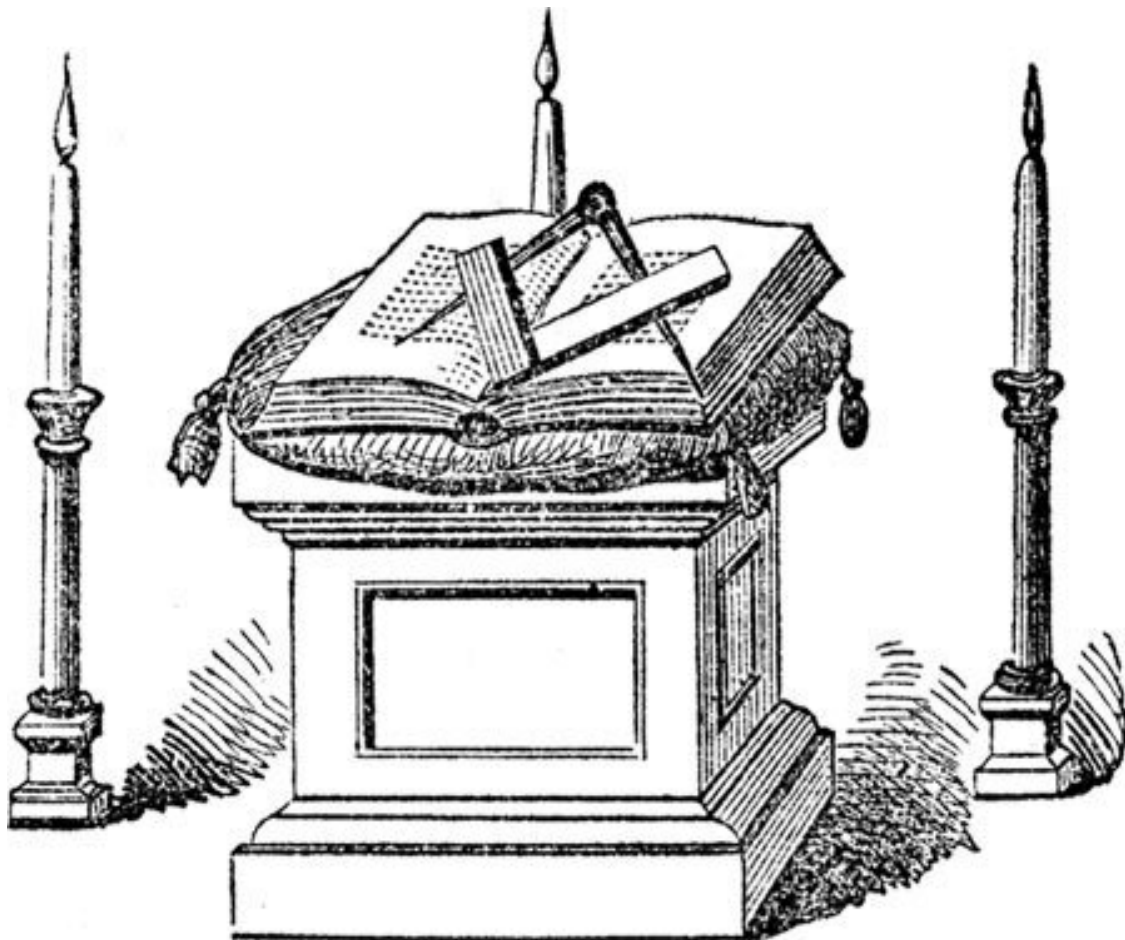

© British Library Board. All Rights Reserved / Bridgeman Images

И вот новопосвященному брату помогают подняться на ноги и ставят его по правую руку от Мастера. Теперь он видит на себе торжественно благосклонные взгляды других братьев, сидящих вокруг комнаты. Также его взору наконец-то предстает интерьер ложи, в том числе знаменитый пол в шахматную клетку. Во времена Кустоса квадраты на полу чертили мелом (о чем он помимо прочего поведал инквизиторам).

Внимание новообращенного приковывает убранство ложи. Например, два столба высотой с человеческий рост с глобусами на вершинах. Вокруг алтаря, на котором лежит Книга священного закона, стоят три свечи на миниатюрных колоннах, каждая из которых выполнена в собственном стиле. Капитель первой в соответствии с правилами коринфского ордера стилизована листьями. Две другие колонны – соответственно ионическая и дорическая. Излишне говорить, что все это элементы масонского символизма. Однако на начальном этапе Мастер не объясняет, каков смысл этих свечей («малых светочей» в терминологии масонов), а символизируют они три путеводных света, ведущих масона по пути, а именно солнце, луну и Мастера

ложи. Как объяснял своим допросчикам Кустос: «... подобно тому, как солнце светит нам днем, а луна – ночью, так Мастер указывает путь подмастерьям и ученикам».

© British Library Board. All Rights Reserved / Bridgeman Images

Мастер продолжает урок. В масонстве существует несколько степеней, степень «принятого ученика» – только первая. Новый член братства получает возможность присутствовать на церемониях. Отныне ему разрешено узнать о тайных «знаке», «примете» и «слове».

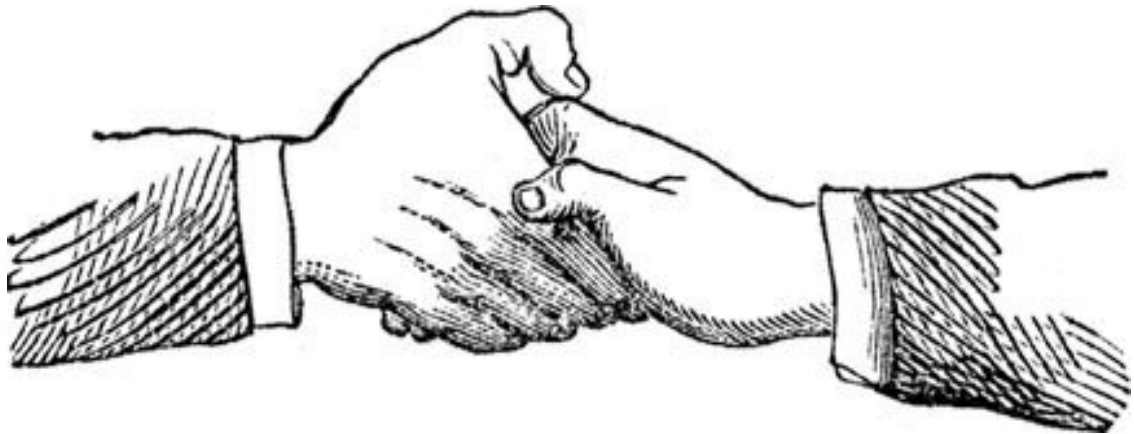
«Знак» – это напоминание о том, что ждет предателей масонских тайн. Из признания Кустоса мы знаем, что выглядит это так: ученик располагает правую руку напротив горла, как бы изображая, что собирается его перерезать.

«Примета» – это особое рукопожатие масонов. Цель его, согласно Кустосу, в том, чтобы «братья по всему миру узнавали друг друга». Мастер демонстрирует ученику рукопожатие, слегка нажав большим пальцем на пястно-фаланговый сустав (костьяшку) указательного пальца соискателя.

Наконец, «слово» звучит как «воаз». Это название одного из двух столбов, стоявших в притворе Храма Соломона. Сам Храм и его строители играют значительную роль в масонском символизме. Слово же было настолько тайным, что масоны могут произносить его только

по буквам, произносить его вслух целиком запрещено. Инквизиторам Кустос его конечно же выдал. На символическом уровне слово «воаз» означает «сила».

© British Library Board. All Rights Reserved / Bridgeman Images

Затем новоявленного масона еще раз представляют офицерам ложи, при этом используются только что выученные им «знак», «примета» и «слово». После этого он получает право носить масонский запон из овечьей шкуры.

Пообещав, что всегда будет помогать братьям-масонам, оказавшимся в беде, а также их семьям, неопит подумает, что церемония уже близится к концу. Что ж, простим ему это простодушие. Ведь ему предстоит еще узнать о символических орудиях, которые получает в свое распоряжение каждый «принятый ученик». Это 60-сантиметровая масштабная линейка, молоток и стамеска. Символизируют они важность умения грамотно распоряжаться временем, работать усердно и настойчиво двигаться к поставленной цели. Ученику предстоит выучить еще много символов и абстрактных понятий. Много всего он узнает об «истине», «чести» и «добродетели». О «благоразумии», «умеренности» и «стойкости». О «добросердечии», «милосердии». А также о «верности», «послушании» и, конечно, «тайности». Учат также и целому ряду правил, например «не нарушать мир и установленный порядок в обществе».

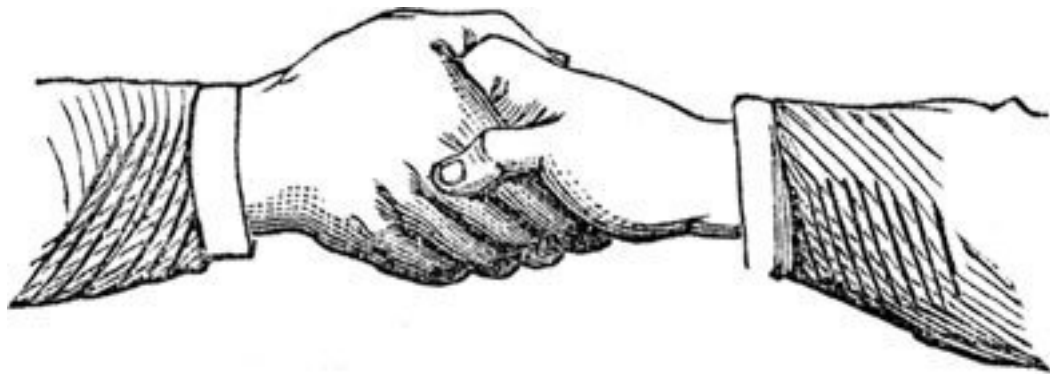
Наконец наступает черед обряда, закрывающего работу ложи, в котором тоже используется множество знаков, стуков, произносятся молитвы и речи, сопровождаемые величественными жестами. После этого уже порядком уставшие братья отправляются за праздничный стол.

Утоляя голод и жажду, новопривзванный масон вправе призадуматься. Приняв важнейшее решение в своей жизни и, несмотря на все предостережения и опасения, вступив в ряды братьев-масонов, он ожидал причаститься великих тайн, способных кардинально изменить его жизнь, да и жизнь человечества. И вот – все ритуалы посвящения позади, а никаких тайн он не узнал. Появились только новые тайны. Да, он уже выучил «знак», «примету», «слово». Но суть всего это, кажется, только в том, что он просто должен быть хорошим человеком.

Наверное, тайны начнут открываться на следующих степенях, и тогда-то он приблизится к просветлению. Но, терпеливо дождавшись получения сначала второй, потом третьей степени – то есть став сначала подмастерьем, а потом и Мастером, ничего принципиально нового он не узнает.

Во время церемонии получения степени подмастерья соискатель встает уже на правое колено и оголяет правую часть груди. Используется второй тип масонского рукопожатия, при котором большой палец надавливает на костяшку уже среднего пальца. Нравственные послы так же просты, хотя и немного отличаются: соискателю говорят, что теперь, помимо обязанности быть хорошим человеком, он должен еще стараться познавать мир. Он произносит клятву,

при нарушении которой его грудь да будет вспорота, а сердце – выклевано стервятниками. Новое слово – «иахин» (так назывался второй столб из притвора Храма Соломона).

© British Library Board. All Rights Reserved / Bridgeman Images

Наконец соискатель степени Мастера снимает рубашку полностью, а также оголяет оба колена. При рукопожатии средний и безымянный пальцы раздвигаются (вспомним приветствие Спока из «Звездного пути»). За нарушение клятвы же полагается рассечение надвое, при этом внутренности должны быть сожжены и рассеяны по свету. Некоторые люди утверждают, что в переводе с какого-то неизвестного языка слово «махабон» означает «дверь ложи открыта».

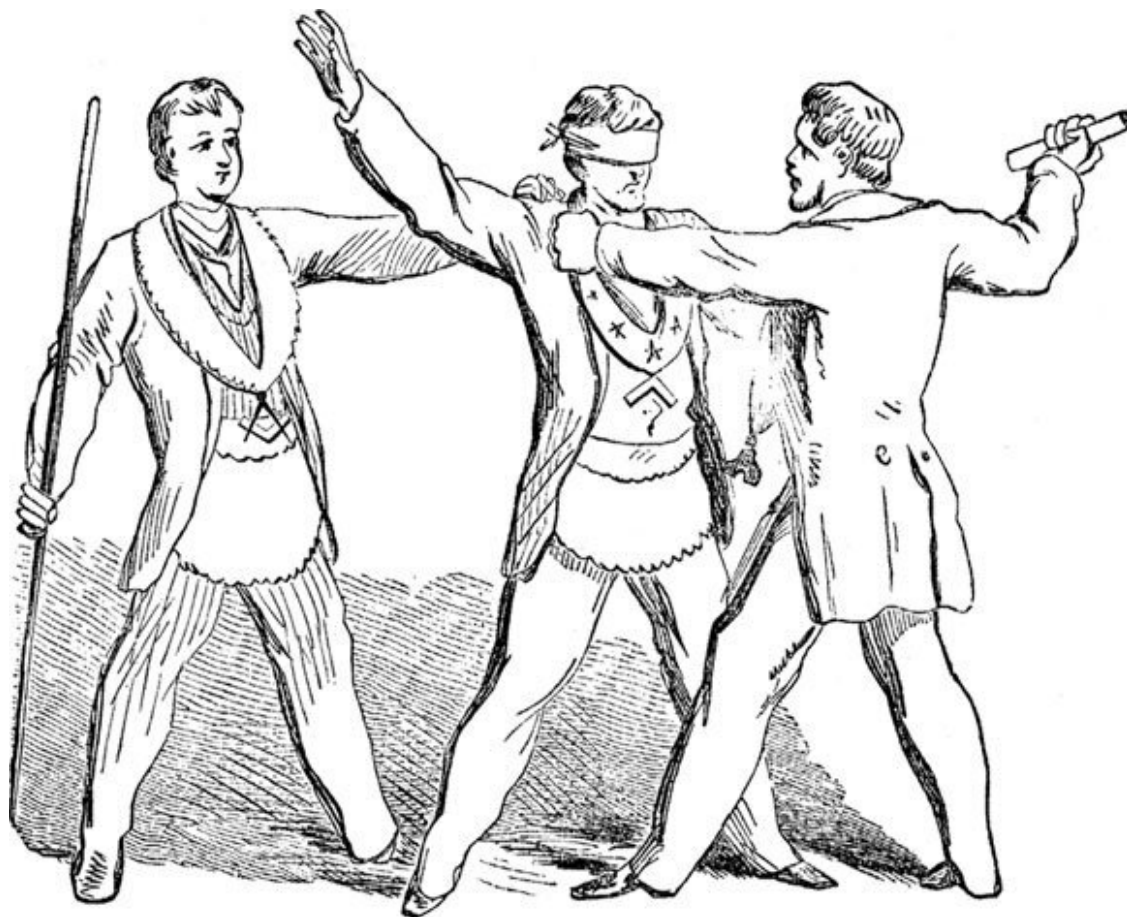

© British Library Board. All Rights Reserved / Bridgeman Images

Церемония посвящения в Мастера – самая важная из трех, это кульминация на пути становления франкмасона. Она продолжительнее двух предыдущих, а ее главная тема – смерть. При этом выглядит все довольно забавно. Братья готовятся к небольшому спектаклю, во время которого будет разыграна смерть Хирама Абифа, главного архитектора при строительстве Храма Соломона. Согласно легенде, мастер-каменщик отказался выдавать свои тайны и был убит тремя нечестивцами. И вот соискатель исполняет роль Хирама: на него кричат, слегка толкают, а затем засовывают в «похоронный мешок» и проносят по ложе. В конце Хирама Абифа воскрешают волшебное рукопожатие и особое животворное объятие Мастера.

Тайны, окутывающие восхождение человека к принятию в масонскую ложу, хранятся за тремя замками: таинственны сами ритуалы, при этом соискатель клянется страшными клятвами их не разглашать, и все это к тому же скрывается за особым языком символов. На последнем этапе церемонии получения третьей и высшей степени Мастера раскрывается главная из всех тайн, а вместе с ней – тайна всего франкмасонства... Оказывается, что смерть – дело очень серьезное, неизбежно накладывающее отпечаток на наше мировосприятие.

И все. За покровами и печатями тайн, за обещанием раскрыть великую истину – это все, что мы обнаруживаем. Как объясняется соискателю во время ритуала присвоения степени Подмастерья, «искусство» есть ни больше ни меньше «особая нравственная система, скрываема-ая аллегорией и объясняемая символами».

Соискателя степени Мастера пытаются силой заставить выдать тайны масонов
© British Library Board. All Rights Reserved / Bridgeman Images

Порой приходится слышать о двадцать третьей или тридцать третьей степени в масонстве, но выше Мастера никого на самом деле быть не может. Впрочем, некоторые братья увлеклись придумыванием дополнительных степеней. Создавались отдельные организации, и наиболее показательным (как и наиболее замысловатым) был так называемый Шотландский устав, в котором насчитывается ни много ни мало тридцать разных степеней. Нужно помнить, что все эти дополнительные степени, по сути, – ответвления от основного стержня из трех степеней, описанных ранее. Спросив одного масона, почему он с таким энтузиазмом добивается все новых и новых дополнительных степеней, я получил следующий ответ: «Вызывает привыкание». При этом «новые» степени представляют собой все ту же смесь из аллегорий, дежурных нравственных норм и многочисленных церемоний, которые призваны вызывать чувство сплоченности. Но, как всегда, символизм обрядов оставляет широкий простор для воображения, а их участникам – возможность носить прекрасные костюмы.

Нам не следует недооценивать удивительную притягательность масонских ритуалов, не стоит и думать, что скрытая за ними философия так уж банальна. Значения символов, возможно, на первый взгляд кажутся непримечательными и даже шаблонными: будь хорошим человеком, стремись обладать всеми необходимыми знаниями, будь терпимым к представителям всех религиозных традиций. И вдруг мы понимаем, что – по сравнению с нелепыми

и порой дикими идеями ортодоксальных религий (жечь ведьм, убивать неверных, клеймить грешников) – принципы масонов кажутся какими-то неожиданно и непривычно человеческими.

Франкмасоны подчеркнуто призывают не считать их братство религиозным течением. Кто-то скажет, что если есть и церемонии с соответствующим символизмом, и нравственные нормы, и духовные принципы, то отрешившись от слова «религия» – просто-напросто казуистика. Возможно, масонство достаточно описывать как религию «второго порядка»: она допускает свободу вероисповедания, позволяя каждому на свое усмотрение разбираться с богословскими тонкостями, однако при этом создается особое пространство совместного духовного существования. Можно ехидно посмеиваться, но до конструктивной критики как-то обычно не доходит. Вспомним, что многие масоны активно участвуют в благотворительности.

После того как Кустос рассказал обо всем этом португальским инквизиторам, они посчитали, что ему вполне можно доверять. Однако их мнение изменилось, как только они получили ответ на вопрос о конечной цели всех масонских ритуалов. Приведем выдержку из их записей:

[Кустос] сообщил, что единственная цель ритуалов – поддерживать тайность, хранимую всеми членами братства.

Было испрошено: получается ли, что все церемонии и обряды нужны только для обеспечения духа таинственности, или предусмотренные уставом наказания, по существу, охраняют некую тайну?

[Кустос] на то ответил, что конечной целью была лишь сама тайность.

Итак, цель таинственности масонов – сама таинственность, а не сокрытие чего-либо. Иначе говоря, сложный, детально разработанный культ таинственности – по сути, ритуальная мистификация. И все ужасные наказания за нарушение клятвы оказываются лишь частью театрального представления, ибо никогда ни к кому не будут применены. Неудивительно, что эти сведения, полученные от Кустоса, инквизиторы назвали «чрезмерно краткими, уклончивыми и обманчивыми». Именно поэтому и пришлось прибегнуть к пыткам: трудно было поверить, что тайна масонов настолько заурядна!

Хотя Кустос не был героем, за которого себя выдавал, мы должны быть ему благодарны за то, что ничего не присочинил в попытке соответствовать требованиям инквизиторов. Ведь он вполне мог поведать об ужасных святотатствах, чтобы мучители с чувством выполненного долга от него отстали. Впрочем, с той поры и сами масоны, и их гонители убедили себя и других в том, что за тайнами братства стоит нечто большее, чем просто охранение таинственности. И именно эта ирония красной нитью пройдет через те истории, которые мы расскажем в следующих главах. Будучи вполне банальными, «тайны» масонов стали отправной точкой для множества интересных событий.

3

Эдинбург

Искусство запечатления

«Г» означает...

Наиболее значимые обрядовые символы масонов – фартук и колонна, наугольник и мастерок – позаимствованы из инструментария каменщиков. Франкмасоны убеждены в том, что помимо нравственного символизма эти предметы хранят в себе историю истоков масонства, уходящую корнями в быт средневековых ремесленников. На то, что братство зародилось в Средние века непосредственно в гильдиях каменщиков, указывается в многочисленных работах по истории франкмасонства. Самоназвание масонского движения – «искусство», «ремесло» – как бы вбирает в себя все эти представления. Генетическая связь со средневековыми каменщиками всегда была масонам по душе, ведь они могли гордиться преемством от строителей великих соборов в Солсбери, Линкольне и Йорке. Эх, старая добрая Англия!

Впрочем, когда потребовалось отчетливо показать, каким образом гильдии каменщиков преобразовались в ложи, историки масонства столкнулись с неодолимыми трудностями, потому что именно каменщики в Средние века гильдий практически не имели. В Англии XIV–XV веков представители почти всякого уважаемого ремесла имели в каждом городе свою гильдию. Гильдия была у мясников, у хлебопеков, у мастеров по изготовлению подсвечников. Всякий диковинный промысел из прежних времен мог похвастаться своей гильдией: она была у чеботарей и шорников, у скорняков и сыромятчиков... В общем, у всех, кроме каменотесов.

А причина в том, что у последних почти не было работы. Большинство зданий в средневековой Англии строилось не из камня, а из мазанки, в состав которой входили глина, хворост, солома и навоз. Спрос на каменщиков – по сравнению со спросом, скажем, на плотников и кровельщиков – был ничтожно мал. Поэтому в одном городке попросту не могло собраться достаточно каменщиков, чтобы учредить гильдию – в лучшем случае, чтобы в кости сыграть, да и то вряд ли. Когда же каменщики все-таки вступали в гильдии, то это были гильдии комбинированные, членами которых были другие строители, в частности плотники.

Каменотесы же скитались по стране, находя работу то тут, то там и собираясь вместе, лишь когда предстояло выстроить мост или каменный дом. Между каменщиком и простым строителем была существенная разница. Первых привлекали в больших количествах только для таких масштабных проектов, как строительство замка, аббатства или собора. При этом выглядело это как самая настоящая принудительная вербовка. Мастер-каменщик, связанный договором с королем или епископом, набирал людей для того или иного проекта, не справляясь об их желании. При этом представители этой «элиты» каменщиков тоже были странствующими работниками, но определенной властью обладали. Именно по этой причине гильдия в привычном смысле для представителей этой профессии по большому счету не имела смысла.

Итак, факты говорят нам о том, что из всех средневековых ремесленных объединений каменщики меньше других имели необходимость в организации вроде гильдии, которая с течением времени могла бы преобразоваться в масонское братство. Историкам масонства так и не удалось показать действительную связь между «реальными каменщиками» (людьми, работавшими до мозолей на руках стамеской) и нынешними «спекулятивными каменщиками», для которых инструменты – уже символы умозрительных категорий.

Но если связующим звеном были не средневековые гильдии, то что? Приблизиться хотя бы на шагок мы сможем, если с работы средневековых мастеров переключим внимание на их культуру, на передаваемые от поколения к поколению истории, которые помимо прочего легли в основу масонского символизма.

Коллективная жизнь всех ремесленников Средневековья наполнилась ритуалами, обрядовыми предписаниями и особого рода мифологией. Конечно же у всех имелся специальный обряд посвящения. Были и клятвы хранить тайну мастерства, которые сплачивали общины ремесленников. Имелись и строгие правила, и пароли, служившие для того, чтобы к общине не прибился самозванец, недавно пришедший из другого края в поисках работы. И, конечно, ремесленники устраивали регулярные празднества. Порой та или иная практическая деятельность обрастала легендами: так, среди чеботарей, делавших дорогую обувь, говорили, что после мученической смерти кости их покровителя святого Хью превратились в инструменты башмачника.

Каменщики по всей Британии будто бы пытались компенсировать отсутствие организованных гильдий богатством предписаний, символов и мифов. Эти знания, известные как «Старые наказания» (Old Charges), долгое время передавались из уст в уста. Однако память человеческая ненадежна, и содержание «Наказов» много раз менялось – что-то навсегда забывалось, что-то добавлялось и переиначивалось. Однако в какой-то момент своды «Старых наказов» начали появляться в письменной форме. Первый такой текст из дошедших до нас написан в стихах. Он состоит из 826 строк, вполне простых для запоминания. В среде масонов рукопись известна как «Поэма Региус» (Regius Poem). Место и время ее написания точно неизвестны, однако предполагается, что создана она была в 1420-е годы в графстве Шропшир.

В тех правилах, что описаны в «Старых наказах», нет ничего, что отличалось бы от правил любой средневековой ремесленной общины: от хороших манер (не ругаться в храмах, не сморкаться в столовую салфетку) до профессиональных советов и указаний. А мастер, например, для поддержания качества работы должен был платить ремесленникам не меньше определенной суммы. Но кое-чем «Старые наказания» отличаются от других сводов, и именно здесь мы выходим на след истоков масонства – речь идет об особой мифологии каменотесов, а именно историях о том, как их ремесло зародилось на заре времен и как передавалось от поколения к поколению.

Действующие лица этой истории взяты из самых разных источников, причем порой кажется, что наугад: древнегреческие мудрецы в ней соседствуют с бородатыми библейскими старцами. Некоторые из них значимы для нас, поскольку переключаются в легенды масонов. Один из них – Гермес Трисмегист, ученый муж, который после Всемирного потопа заново открыл законы геометрии, некогда высеченные допотопными каменщиками на двух каменных колоннах. Следующий в линии – великий математик Евклид, обучивший жителей Древнего Египта работе по камню, что позволило построить знаменитые пирамиды. Затем следует Соломон, нанявший сорок тысяч каменщиков для строительства Храма, который стал средоточием масонских знаний и умений. Главный архитектор был уроженцем Тира. В более поздних источниках его начнут называть Хирам Абиф – именно он, как мы помним, играет главную роль в ритуале получения третьей масонской степени.

Что же, странствующие средневековые каменщики выдумали себе внушительную родословную, которой позавидовал бы иной монарх. Интеллектуальные притязания были не менее

серьезными. «Старые наказы» связывают ремесло каменотесов с древней наукой геометрией (именно поэтому в масонской иконографии нашлось место «отцу геометрии» Евклиду). Масоны считали, что работа каменщика и геометрия имели общий исток, а геометрия, как известно, дело очень важное. Вместе с грамматикой и логикой, риторикой и арифметикой, музыкой и астрономией геометрия была частью средневековой университетской системы наук. В «Старых наказах» утверждалось, что наука каменщиков и геометрия – наиболее авторитетные области знания. Франкмасоны до сих пор почитают геометрию как метафору закона, по которому выстроена сама Вселенная. Литера «Г», часто присутствующая на эмблеме масонов вместе с циркулем и наугольником, означает одновременно «геометрию» и «Господа Бога».

Но даже сейчас мы еще далеки от того, чтобы напрямую связать «Старые наказы» с масонской философией (так же, как историки масонства никак не могут четко доказать преемство масонов от средневековых английских каменщиков).

После столетий искусных мистификаций, большая часть которых приходится на XVIII век, нащупать корни масонства удалось лишь недавно. Революционной необходимо считать одну научную работу, изданную в 1988 году. Сегодня мы можем с уверенностью сказать, что масонство зародилось не в Средневековье. Более того, появилось оно не в Англии в среде строителей готических соборов, а в ренессансном Эдинбурге, столице королевства Шотландия.

Шотландский Соломон

Реформация расколола Европу. До 1517 года Римско-католическая церковь была единственным посредником между людьми и Богом, а также гарантом поддержания королевской власти. Рим прочно стоял в самом центре христианского мира. По всему континенту готические соборы своей воспаряющей монументальностью провозглашали зависимость людских дел от небесных законов.

Затем последовали инвективы Лютера, появление протестантизма и безвозвратный раскол христианства. Европейские монархи один за другим разрывали связи с Римом. Начиналась эпоха Религиозных войн. Весь континент был одержим новыми идеями и желанием закрепить их в каком-либо печатном документе. В доброй половине европейских стран доселе не поддававшиеся сомнению элементы вероучения (идея чистилища или почитание реликвий и икон) начали считаться происками Антихриста.

В Шотландию Реформация пришла довольно поздно и ударила особенно сильно. Начиная с 1560-х годов новое религиозное строительство шло с беспрецедентным рвением. Шотландские протестанты с особой яростью рушили идолопоклоннические статуи, разбивали витражные окна и каменные орнаменты. Собор Святого Андрея – крупнейшее религиозное сооружение страны, которое набожные зодчие строили полтора века, – был разрушен и запущен. В Эдинбурге разъяренная толпа разграбила Холирудское аббатство, усыпальницу шотландских королей. Согласно новой протестантской вере, Бог предпочитал, чтобы ему поклонялись в местах максимально суровых и аскетичных. Вполне подойдет простая прямоугольная коробка с бутовыми стенами. Справедливо предположить, что именно шотландские каменщики были более других обескуражены Реформацией, ведь стране больше не требовались соборы, монастыри и искусно сложенные храмы. Потеря такого крупного клиента, как Церковь, была настоящей катастрофой.

Но этим дело не ограничивалось: потерявшая престиж королевская власть тоже не могла себе позволить строиться в прежних масштабах. Возмужавший в эти непростые времена король Яков VI Шотландский был подлинным детищем Реформации. Его матерью была Мария Стюарт, католичка, высланная из страны после того, как вышла замуж за человека, который предположительно был организатором убийства отца Якова. В стране началась гражданская война, а годовалого Якова буквально выкрали, чтобы спешно короновать в приходской церкви в Стерлинге. Мальчика воспитывали в протестантской вере, при этом агрессивно настроенные опекуны с самых ранних лет убеждали Якова, что его мать – ведьма. Юный король вырос на фоне постоянной борьбы шотландских дворян за власть. Шотландская знать вела себя как кучка аристократов-разбойников.

В 1585 году, когда Якову было лишь девятнадцать лет, он избавился от последних своих соправителей, встав единолично во главе правительства и государства. Еще полтора десятка лет ему понадобилось на то, чтобы успокоить религиозных экстремистов и создать более или менее веротерпимую атмосферу. Знать в конце концов его поддержала, и аристократический произвол сошел на нет. В 1587 году, когда по приказу Елизаветы I обезглавили его мать, он оказался достаточно дальновидным, выразив лишь формальный протест. С годами становилось все очевиднее, что именно к нему от бездетной Елизаветы перейдет английский престол и короны Шотландии и Англии объединятся.

При этом Яков был не только мудрым политиком, но и одним из образованнейших людей своего времени: он писал стихи, занимался вопросами богословия, писал трактаты о королевской власти. В 1597 году вышла его «Демонология» (*Daemonologie*), посвященная вопросам колдовства и ворожбы. Именно эта книга вдохновила образы ведьм в шекспировском «Макбете» (1606). Яков вдохнул новую жизнь в шотландский двор, открыв путь влиянию европей-

ского Возрождения. Представители знати ездили во Францию и Италию, привозя домой самые разные знания и новомодные веяния: от новых теорий стихосложения, медицинских открытий, военных технологий до алхимических и астрологических практик.

Предполагаемые ведьмы предстают перед Яковом VI Шотландским. Гравюра из трактата «Демонология»

© Hulton Archive / Getty Images

Яков выстроил систему государственного управления, полностью преданную ему. В нее входили представители джентри и интеллектуальной элиты. Одним из деятелей этой новой шотландской верхушки был Уильям Шоу, повидавший мир и хорошо образованный мелкопоместный дворянин. Он получил звание «Мастера работ», и в его обязанности входило строительство, ремонт и поддержание в надлежащем состоянии всех зданий и сооружений, принадлежащих непосредственно королю. Он также отвечал за организацию королевских церемоний.

Как и остальных интеллектуалов Северной Европы того времени, Шоу вдохновляло то, как титаны Возрождения сумели подарить новую жизнь классическому античному искусству. Важнейшим текстом он считал трактат «Об архитектуре» (De architectura), написанный в I веке до н. э. Витрувием, архитектором и строителем времен Юлия Цезаря. В частности, Витрувий утверждал, что людям, которые проектируют сооружения, надлежит разбираться не только в зодчестве, но и во многих других науках. Под влиянием этих идей прежнюю фигуру мастера-

строителя сменил новый герой, воспитанный эстетикой европейского Возрождения, – архитектор. Уильям Шоу стал первым шотландцем, носящим это гордое имя.

В 1594 году двор радовался прекрасным новостям: в замке Стерлинг родился королевский наследник. Яков решил сделать из крещения сына настоящее празднество – насколько благочестивое, настолько же и утонченное. Для этого было приказано в спешном порядке построить при замке новую часовню. Проектом занялся Шоу, а каменщиков для строительства собирали со всей страны. Королевская часовня в Стерлинге с окнами в стиле флорентийской ренессансной архитектуры – первое в Британии строение эпохи Возрождения. Подобно Сикстинской капелле, часовня строилась по образу и подобию Храма Соломона, каким он описан в Книгах Царств. Один из посланцев английской короны, бывший при шотландском дворе, так и называет ее – «великий Храм Соломонов». Воплощение ветхозаветного мудрого правителя, царь Соломон был выгодной фигурой для сравнения, и Яков с легкой руки придворных поэтов вскоре стал именоваться именно так. Также Яков VI исполнял роль Соломона в целом ряде королевских процессий.

Спустя четыре года мы находим Шоу в Холирудском дворце в ожидании важного разговора, в ходе которого ему предстоит говорить от лица своего Соломона. Напротив него – мастера-каменщики, в том числе и те, что участвовали в строительстве Королевской часовни в Стерлинге. Во время этой встречи наиболее яркие идеи ренессансного двора Якова VI будут переплетены с практическими знаниями средневековых каменотесов. Так и возникнет франк-масонство.

Подобно своим английским коллегам, шотландские масоны также не имели собственных гильдий, а Реформация их профессиональную жизнь лишь усложнила. Но Яков VI постепенно укреплял свою власть, успокаивал волнения в стране, а значит, появлялось больше заказов на строительство. Времена для каменщиков наступали благоприятные. Тут и там они создавали общества, в которые входили только каменщики и которые никак не были связаны с гильдиями. Места своих собраний они называли ложами – именно такое имя носили наскоро выстроенные на время строительных работ хижины. И вот впервые слово «ложе» стало означать определенного рода организацию.

Встреча каменщиков с «Мастером работ» в 1598 году была отправной точкой амбициозного начинания. В самоорганизующихся каменщиках Шоу увидел потенциальных единомышленников. И он захотел стать покровителем, «Главным смотрителем» представителей этой профессии по всей стране. Предполагалось, что ложи каменщиков станут частью государственной структуры, а встречи будут проводиться регулярно и документироваться. Система эта будет существовать наравне с городскими гильдиями, но свои ложи будут только у каменщиков, и подчиняться они будут непосредственно королю.

Так, взятые под опеку Шоу ложи стали тайными и независимыми от гильдий и местных властей. Письменно фиксировалось лишь обсуждение практических аспектов профессии, но записи все равно были недоступны тем, кто к ложам не относился. При этом обсуждались не только практические вопросы. Как сказано в документе XVII века, относящемся к работе одной из шотландских лож, на собраниях говорили о «тайнах, которые никогда не должны быть писаны пером». Тем не менее у нас есть несколько подсказок, и первая из них содержится в договоре, установленном между Шоу и каменщиками.

Будучи членом королевского двора, Шоу знал цену угодничеству. Гордости каменщиков он польстил тем, что устроил встречу с ними 27 декабря, в День евангелиста Иоанна Богослова, который представители этого ремесла почему-то считали своим праздником. Заметим, что для масонов этот день до сих пор особенный, как и День Иоанна Крестителя в июне. Шоу также заучил «Старые наказы», которые при случае цитировал: помимо прочего он пообещал, что новая система организации лож способствует твердому соблюдению уважаемых каменщи-

ками правил и предписаний. Шоу также заверил их, что король Яков – шотландский Соломон – будет во всем с ними солидарен.

Ход был бесприкрытый. При этом Шоу также попытался отыскать символы и образы, которые могли бы прийти каменщикам по душе, в культуре Возрождения. Он заявил, что каждый, кто считает себя мастером-каменщиком или даже подмастерьем или учеником, должен быть сведущ в искусстве и науке запечатления. И эта идея Шоу была поистине гениальной. Ведь каменщики действительно многое запоминали – в том числе и «Старые наказания». И вот теперь Шоу сообщает собравшимся вокруг него каменщикам, что они не просто помнят тайны своего ремесла, но непосредственно практикуют искусство и науку запечатления.

Чтобы понять масштаб этой лести Шоу, необходимо сделать небольшое лирическое отступление и погрузиться в глубины ренессансной культуры. Дело в том, что «искусство запечатления» было одним из самых излюбленных заимствований культуры Возрождения у Античности. Одним из наиболее известных виртуозов этого искусства был великий римский оратор Цицерон. Есть свидетельства о том, что уроки этого искусства брал у одного из придворных поэтов король Яков. Итак, техника запоминания состоит в том, чтобы представить, как вы движетесь по заданному пути внутри большого здания. Каждая комната – абзац из вашей речи. Каждый предмет в комнате (колонна, алтарь, узор плитки на полу) – тот или иной вопрос, та или иная проблема, о которой вы собираетесь говорить. Таким образом, искусные в науке запечатления способны запоминать и хранить в памяти очень длинные речи.

В эпоху Возрождения некоторые философы начали связывать искусство запечатления с поисками истины. Будто бы сам Господь Бог использовал это искусство, зашифровав в сотворенном им мире великие тайны бытия.

Небольшая группа ученых мужей, практиковавших искусство запечатления, были физиками-теоретиками своего времени. Новое открытие опьяняло, но и таило в себе опасность. Что, если они расшифруют божественные тайны, но человечество не сможет объять их необъятность? Или вдруг эти тайны окажутся противоречащими слову Писания? По этим соображениям лучшие умы производили свои изыскания в закрытых академиях и тайных обществах. И чтобы спрятать результаты своих трудов от глаз профанов, они придумывали специальные символы-шифры. В среде этих искателей тайного знания особым почетом пользовались тексты, приписываемые полубоггерманскому древнему мудрецу Гермесу Трисмегисту. Именно поэтому их иногда называли герметистами. Один из крупнейших герметистов Британии, таинственный Александр Диксон, в 1590-е годы был частым гостем при дворе шотландского короля. Яков нередко делал его своим посланцем и агитатором.

Так вот, Шоу убеждал шотландских каменщиков в том, что они тоже герметисты. Сами того не подозревая, они были в авангарде философских поисков всего человечества. В полном согласии с предписаниями Витрувия физический труд они гармонично сочетали с интеллектуальным. Герметизм оказался созвучен осколкам народных знаний, сохранившихся в «Старых наказах». Законы геометрии. Вера в передаваемую испокон веков тайную мудрость. Гермес Трисмегист – тот же мудрец, что, согласно «Наказам», восстановил знания допотопных каменщиков. Тайные общества, ищущие сокровища от всех истину. Великие строения как кладовые священного знания. Искусство запечатления. И конечно же символы, символы, символы. Искра, высеченная этим соударением устной, ремесленной культуры средневековых каменщиков и ученой, герметической ветвью ренессансной эстетики, распалила нешуточное пламя. Открывались безграничные возможности. Одним из последствий стало превращение лож каменщиков в некие полувоображаемые пространства, в котором их члены могли бы совместно практиковать искусство запоминания. Так, истины, запечатленные в аллегорическом убранстве ложи (колонны, пол в шахматную клетку и т. д.), придавали величия ритуалам ремесленников, превращая их в волшебные представления. А современные масонские ложи – театры искусства запечатления.

Согласно замыслу Шоу, в ложах каменщики продолжали быть «реальными», но одновременно становились и «спекулятивными», поскольку участвовали в ритуалах с философской целью (оппозиция «реальные – спекулятивные» используется историками масонства).

Увы, переговоры Шоу с каменщиками до логического конца так и не дошли. Он составил Статуты лож, но в 1602 году умер. Не пережила его и учрежденная им должность Главного смотрителя. А произошедшие политические изменения перекрыли все каналы связи между каменщиками и королевской властью. В 1603 году умерла Елизавета I, и Яков VI Шотландский стал Яковом I Английским, объединив две короны.

Тем не менее созданная Шоу сеть продолжала существовать: к 1710 году в Шотландии было около тридцати лож. Около 80 % лож, известных еще при жизни Шоу, существуют по сей день. Ложи в Килуиннинге, Эдинбурге, Стерлинге – старейшие в мире, они функционируют уже больше четырех столетий. И шотландские масоны очень гордятся этой незыблемой преемственностью.

Итак, мы видим, что благодаря стараниям Шоу придворная культура времен правления Якова VI вызвала среди лож цепную реакцию. Через какое-то время ореол славы, которым Шоу окружил ложи каменщиков, стал привлекать людей дворянского происхождения.

Конечно, новых членов голубых кровей поначалу брали из-за денег. Щедрые взносы благородных джентльменов только приветствовались. А еще от них можно было получить заказ на строительство.

Ожесточенные религиозные и политические трения, высвобожденные Реформацией, также создавали нужный контекст. Ложи каменщиков были чуть ли не единственным местом, где никто не спрашивал о вашем вероисповедании, а католики трудились плечом к плечу с протестантами. Тяжелые времена Реформации научили их ставить профессиональные интересы выше конфессиональных. Шоу сам был католиком, которому пришлось научиться жить при королевском дворе, где были одни лишь протестанты. Ложа была мирной гаванью, и такой она остается и сейчас. Франкмасонство повлияло на современный мир не в последнюю очередь тем, что всегда предоставляло убежище от внешних потрясений.

Во время встречи в 1598 году Шоу успел организовать ложи в единую систему, при этом каждая из них представляла определенную территорию. В ложах проводились тайные ритуалы, основанные на искусстве запечатления. Ритуалы представляли собой смесь из средневековых ремесленных обрядов и ренессансной учености. Были приняты взаимопомощь, коллегиальность, внеконфессиональная набожность. Однако те каменщики еще не были теми, кого мы сегодня называем масонами: во-первых, в Шотландии еще не было самого слова «франкмасон»; во-вторых, пока не существовало единой организации; в-третьих, ложи были еще слишком связаны с непосредственной работой каменотесов.

Задуманная Шоу организация лож превратится в масонство, когда движение выйдет за границы Шотландии, и первые ложи «принятых» каменщиков начнут появляться в Англии.

Вольные и принятые каменщики

Масоны часто называют себя «вольные и принятые каменщики». Немногие из них знают, что стоит за словом «принятые». При этом из двух определений именно второе необходимо для прослеживания истории развития «искусства» в Англии.

Изначально «вольным» называли такого каменщика, который работал с «вольным камнем», то есть с мелкозернистым песчаником или известняком. Так, вольные каменщики сами придавали камню форму, в отличие от менее квалифицированных строителей, просто подгоняющих камни друг к другу. Со временем «вольными каменщиками» стали называть всех искусных мастеров, занимающихся строительством из камня. Говоря о франкмасонах в нынешнем понимании, нередко использовали то же словосочетание – вольные каменщики, что затрудняло работу историкам.

В Англии уловить связь с нынешним братством можно только благодаря историческим документам, в которых упоминаются «принятые каменщики». При этом подспорьем для историков стало почти полное сходство ритуального символизма изначальных шотландских каменщиков, английских принятых каменщиков и современных масонов. По мере увеличения числа лож «тайны, которые никогда не должны быть писаны пером», становились достоянием все большего числа людей. И именно принятые каменщики английских лож станут называть себя франкмасонами.

Распространению сети лож, организованной Шоу, в Англию способствовали страшные события, развернувшиеся в царствование Карла I, сына Якова. В Шотландии в 1638 году разразилась гражданская война – защитники пресвитерианства воевали со сторонниками короля, – и закончились вооруженные конфликты лишь в 1651 году. Казалось, все Британские острова погрузились в преисподнюю. Из 7,5 миллиона жителей было убито около 800 тысяч. В Ирландии же погибло почти 40 % населения. Так для каменщиков герметические поиски просветления стали духовным убежищем.

Элиас Эшмол (1617–1692)

© Wellcome Collection. Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Уроженец Стаффордшира Элиас Эшмол стал принятым каменщиком в октябре 1646 года, и запись о церемонии его посвящения – одно из старейших свидетельств деятельности масонов в Англии. Для нас важны как место проведения церемонии, так и то, как Эшмол там оказался: он был принят в масонскую ложу в Уоррингтоне в Ланкашире, где он жил у родственников со стороны жены, восстанавливая силы после тяжелой службы в обреченной

армии роялистов. Дело в том, что на протяжении почти всей войны Ланкашир находился под контролем шотландцев. И считается, что именно в тот период и в тех обстоятельствах догматы и практики шотландских лож начали распространяться по Англии. Так, в записях ложи Эдинбурга от мая 1641 года говорится о том, что каменщики, служащие в шотландской армии на севере Англии, «приняли» нескольких королевских офицеров.

Военная специализация Эшмола была весьма подходящей – в армии он служил артиллеристом. Зная Витрувия от корки до корки, члены ложи не могли не помнить о том, что в легионах Цезаря он отвечал за боевую технику, то есть конструировал всякого рода метательные механизмы и управлял ими. Артиллеристы с их пониманием траекторий и других премудростей великой науки геометрии в среде каменщиков были людьми уважаемыми.

К тому же у Эшмола было много других интересов, некоторые из них для нас особенно примечательны. Он был антикваром, собирателем древностей и необычных вещей. В его коллекции было все: от античных монет до образцов удивительных животных. Сейчас он известен тем, что завещал свою коллекцию Оксфордскому университету, в результате чего был создан первый в мире общедоступный музей. Эшмол занимался геральдикой, а его астрологические открытия живо интересовали короля Карла II. Также неутомимый исследователь изучал магические оккультные символы, алхимию, а свои интеллектуальные таланты объяснял влиянием движения планеты Меркурий.

Именно эзотерические изыскания подобного рода привлекали к ложам интерес дворян. Помимо прочего, Эшмол интересовался историей розенкрейцеров, которых всегда связывали с оккультным знанием и тайными обществами. Дело в том, что в середине 1610-х годов вся культурная Европа с замиранием сердца следила за новостями, приходившими из Германии. Были обнаружены следы старейшего священного братства! Называлось оно «Орден розы и креста» или орден розенкрейцеров – в честь своего основателя, мистика и врача Христиана Розенкрейца, познавшего множество древних тайн во время своего путешествия на Восток. Тексты розенкрейцеров были смесью герметической философии с христианством. В них предвещалось наступление новой эры духа.

Увы, как мы знаем сейчас, не существовало ни Христиана Розенкрейца, ни ордена, и все это было тонкой мистификацией. Однако тогда люди хотели вступить в орден, зараженные идеями розенкрейцерства. Так, дворяне, вступавшие в шотландские ложи, могли думать, что становятся членами ордена розенкрейцеров или чего-то подобного. Так или иначе, созданные розенкрейцерской мистификацией легенды только способствовали обогащению символизма лож каменщиков. Есть предположение, что ритуальное убийство Хирама Абифа позаимствовано из некромантии розенкрейцеров.

Эшмол был «принятым каменщиком» на протяжении всей жизни. В 1682 году он посетил встречу «принятых каменщиков» в Лондоне. В его дневнике находим следующую запись: «Я был одним из старейших членов собрания. Тогда с моего посвящения минуло тридцать пять лет». И далее: «Мы все отобедали в таверне “Луна”, что в Чипсайде. Угощение было приготовлено за счет новоизбранных каменщиков».

Достаточно полные свидетельства о работе первых английских лож, показывающие их сходство с современным масонством, были найдены на родине Эшмола – в Стаффордшире. В 1686 году профессор химии Оксфордского университета Роберт Плот издал книгу с описанием графства, посвятив несколько страниц «принятым каменщикам». Сам профессор Плот не входил в ложу, однако был преподавателем крупнейшего университета и к тому же хранителем недавно созданного Музея Эшмола, поэтому не исключено, что сведения он мог получить от самого Эшмола.

Плот с подозрением относился к завесе тайны, окружавшей братство, и поэтому утверждал, что каменщики могут затевать что-то недоброе. Так или иначе, знал он достаточно, и именно из его книги мы получаем ряд важных сведений. Принятым каменщиком становятся

на специальном «собрании (они также используют слово “ложе”) в присутствии по меньшей мере пяти-шести старшейших членов ордена. Им соискатели подносят перчатки...» Ритуал инициации, как он объясняет, «главным образом состоит в обучении особым тайным знакам, известным членам всех собраний в стране». В ложе было два пути: надо было или непосредственно работать каменщиком, или быть человеком высокого положения, которого братство «принимало».

Интерес к ложам по всей Британии был подстегнут не только гражданской войной, но и другими социальными процессами. Возрождение началось в Италии в первую очередь как желание открыть заново античную ученость. При этом во многих аспектах XVII век был впереди древних. Мог ли Аристотель распространять свои идеи в печатных книгах? Способны ли были финикийцы открыть Америку? Использовал ли Цезарь пушки? Множество новых изобретений, от микроскопа до карманных часов, от мушкетных пуль до воздушного насоса, не только превосходили любые технологии древних, но и способствовали возвышению фигуры ученого-изобретателя. Сужалась пропасть между жизнью абстрактного мышления и практической вовлеченностью в мир. Интеллектуалу-дворянину уже было не зазорно учиться чему-то у ремесленника. Величание Бога Великим Архитектором Вселенной больше не было унижительной аналогией.

На рубеже XVII–XVIII веков в ложах состояло уже достаточно много «принятых каменщиков», и сведений о жизни братства того времени мы имеем больше. Ход собраний протоколировался, и были зафиксированы даже те «тайны, которые никогда не должны быть писаны пером» – так было легче знакомить «новобранцев» с устройством и деятельностью лож. И «ложи Шоу», и английские ложи «принятых каменщиков» использовали одни и те же символы, тайные знаки, мифы – и именно в таком виде они предстают полвека спустя в показаниях, данных Джоном Кустосом португальским инквизиторам в 1743 году. Да и сегодня мало что изменилось. При вступлении в ложу соискатель клялся не разглашать тайны под страхом ужасной смерти. Выучивались особые знаки: жест перерезывания глотки, рукопожатие («тайный знак, передаваемый от руки к руке»). Вольные каменщики впитали миф о преемстве от самих строителей Храма Соломона. Были приняты кодовые слова «воаз» («боаз») и «иахин» («яхин») – названия двух столбов, стоявших в притворе Храма Соломона.

Франкмасонство менялось очень медленно. Примерно к 1700 году, спустя сто лет после судьбоносной встречи Уильяма Шоу с шотландскими мастерами-каменщиками, ложи распространились на значительную территорию, но до сих пор не было единой организации. К тому же продолжала сохраняться связь с ремесленными каменщиками. За пределами Шотландии ложи были в Стаффордшире, Чeshire, а также в таких городах, как Йорк и Лондон.

Вопрос был не только во времени. Для создания масонства в его современном виде нужна была еще одна искра. И она была высечена 2 сентября 1666 года в пекарне Томаса Фарринера на улочке Паддинг-лейн. Великий пожар поглотил Лондон за пять дней. Восстановление же заняло полвека, потребовав знаний и умений лучших каменщиков Англии.

4

Лондон

Под знаком гуся и решетки

Последний камень

26 октября 1708 года небольшая группа людей поднялась на самую вершину строительных лесов, бережно окутавших купол собора Святого Павла, только что покрытого лучшим дербиширским свинцом. Отдышавшись, они сполна насладились открывающимся видом.

Далеко-далеко, если смотреть в направлении западных башен-близнецов собора, гордо возвышался Виндзорский замок. На севере виднелись покрытые лесом холмы Хэмпстеда и Хайгейта. На восток – к морю – устремлялась извилистая Темза с юркими кораблями, привозившими богатства из Индии, Америки и Карибского бассейна. С такой высоты шум улиц слышно не было, однако до носа все равно доходил характерный лондонский запах сажи. Действительно, от тех мест, где сельская местность резко сменялась застройкой – в Пикадилли на западе и в Уайтчепеле на востоке, – над землей стояла угольная дымка. Впрочем, шпили церквей и башни возвышались над этой поволокой. Забравшиеся на самый верх мужчины взирали на эти строения как на собственных детей. Церковь Святой Бригитты на Флит-стрит с ее грациозными пагодами. Цилиндрическая колокольня Святого Михаила в Кривом переулке с элегантными контрфорсами. Ни с чем не спутать церковь Сент-Бенет у причала Святого Павла с облицованной красным кирпичом башней и аккуратным сводом. Каждый из храмов был выстроен недавно, все они были неповторимы, каждый по-своему свидетельствуя как о славе Божьей, так и о мастерстве зодчих и годах трудов по воскрешению Лондона из ада 1666 года.

Главной интеллектуальной силой этого воскрешения стал сэра Кристофер Рен, главный архитектор собора и еще пятидесяти одной церкви, заново построенных в Лондоне. В тот день он тоже был в соборе. Но почтенный возраст – семьдесят шесть лет – не позволил ему забраться наверх с другими. Он ждал внизу, а группа людей во главе с его сыном проводили церемонию закладки последнего камня в венчающую купол lanтерну.

Собор Святого Павла и другие церкви, построенные по проектам Рена, во времена появления современного франкмасонства

© British Library Board. All Rights Reserved / Bridgeman Images

С заложением последнего камня появилось чувство завершения большого дела. И важно не только то, что сэр Кристофер Рен стал первым архитектором в истории, кто увидел завершение строительства собора по своему проекту. Истории целых семей – в том числе и семьи Рена – сплелись с историей собора. Во время заложения первого камня в июне 1765 года сыну Рена Кристоферу было всего четыре месяца. Спустя тридцать три года он стал правой рукой своего отца и был удостоен чести вести церемонию завершения строительства. Тогда же во время заложения первого камня вместе с Реном был его доверенный мастер-каменщик Томас Стронг. После смерти его заменил брат Эдвард, который уже застал окончание строительства. Вместе с ним был его сын Эдвард Стронг-младший, друг детства Кристофера Рена-младшего. Именно Стронг-младший сделал лантерну, в которую теперь закладывали последний камень.

Впрочем, всех этих людей объединяли не только семейные связи, дружба и общее дело строительства собора. В воспоминаниях семьи Рен черным по белому написано, что все, кто в тот день поднялся на леса, принадлежали к братству: «Наивысший или последний камень заложил сын устроителя Кристофер Рен, направленный собственным отцом, в присутствии превосходного мастера господина Стронга, его сына и других вольных и принятых каменщиков, вовлеченных в работу». Вольные и принятые каменщики! Члены семьи Стронг входили в ложу. После смерти Эдварда Стронга-старшего в 1724 году газеты называли его одним из старейших вольных каменщиков Англии. По другим сведениям, его сын в следующем году участвовал в заседании ложи в Гринвиче.

Оба Кристофера Рена были принятыми каменщиками. Сэр Кристофер вступил в братство 18 мая 1691 года на «великом собрании братства принятых каменщиков». Когда он умер, в нескольких газетных некрологах его называли «свободным каменщиком», что означает его принадлежность к масонам – ведь не был же Великий архитектор каменщиком в прямом смысле! Принадлежал к братству и Кристофер Рен-младший, поскольку известно, что в 1729 году он был председателем одной из лож.

Известны и другие вольные каменщики, участвовавшие в восстановлении Лондона. Принимал участие в строительстве собора на ранних этапах Томас Уайз (1618–1685), который также, согласно источникам, председательствовал в ложе в 1682 году. Был членом братства и Джон Томпсон (?–1700), входивший в число строителей нескольких церквей по проектам Рена: Сент-Ведаст, Сент-Мэри-ле-Боу и Ол-Холоуз на Ломбард-стрит.

Будучи архитекторами, Рены тесно общались с мастерами-каменщиками, многие из которых были членами лож «принятых». Однако «принятыми каменщиками» были и многие другие известные люди, к строительству никакого отношения не имевшие. В 1708 году, когда был заложен последний камень собора, один из хронистов лондонской жизни писал, что в братство каменщиков входило много представителей дворянства.

Ложа принятия в Лондоне была связана с деятельностью Компании каменщиков, одной из немногих гильдий каменотесов, созданной в середине XIV века, а с 1481 года выдававшей право на ношение специальной одежды. Однако это была своего рода элитная гильдия, куда входили только лучшие мастера-каменщики. Схожим образом и принятие в ложу было крайне избирательным – только по приглашениям. Да и плата за вступление была значительной – вдвое больше того, что приходилось платить, вступая в компанию. Один из первых историков масонства описал лондонскую ложу как «особую ячейку внутри Лондонской компании каменщиков». Однако к концу XVII века ложа от компании полностью отделилась.

Таким образом, «принятые каменщики» Лондона были элитарной частью элиты – но, например, семья Стронг в эту категорию вполне вписывалась. Скажем только, что Эдвард Стронг-старший унаследовал от своего отца-каменщика две каменоломни в разных графствах. Помимо этого, семья Стронг получала большие гонорары за участие в строительстве собора Святого Павла и других спроектированных Реном храмов, стоя во главе больших подразделений каменщиков. Среди наиболее известных проектов, в которых участвовали Стронги, можно назвать Королевский военно-морской госпиталь, Бленхеймский дворец и резиденцию Черчиллей в Оксфордшире. В общем, семья Стронг была очень богатой. Однажды – ради того, чтобы работа над собором Святого Павла не прекращалась – они даже ссудили денег правительству. Эдвард Стронг-старший также занимался перепродажей недвижимости и завещал сыну несколько домов. Иными словами, такие фигуры, как Стронги, не имеют ничего общего со скромными работягами-каменщиками из масонских легенд. Они, как и другие «принятые каменщики» Лондона, неизмеримо обогатились во время восстановления города после Великого пожара.

Церемония завершения строительства собора Святого Павла означала конец великому делу восстановления Лондона – но и конец денежных ресурсов. Большая часть средств приходила от налога на уголь, от сжигания которого весь город и был подернут дымкой. Действие последней из трех пошлин на уголь заканчивалось в сентябре 1716-го, и на следующий год средства на строительство иссякли. Воскрешение Лондона было завершено.

Лондонская ложа «принятых каменщиков» уже тогда была особенным и престижным местом, но все-таки не очень известным. Завершение масштабного восстановления столицы ускорило те события, которым будет суждено превратить лондонское братство в самое известное тайное общество в мире.

Сэр Кристофер Рен бесспорно был гением, но, помимо этого, он был еще и просто очень приятным человеком. Добрый нрав, преданность дружбе и работе, неучастие в коррупции – для XVIII века он был практически святым. И он мог бы стать воплощением масонских идеалов. Но он уже был в преклонных годах, дело его жизни было окончено, и на политической арене он стал уязвим. В апреле 1718 года его лишили должности Королевского смотрителя, которой он был удостоен ранее за вклад в воссоздание Лондона. Его преемник не преминул начать выполнение своих обязанностей с обвинений своего предшественника в должностном злоупотреблении.

Дело было не только в том, что кончились деньги от налогов на уголь, но и в том, что Рен неожиданно оказался не на той стороне политического раскола. Вся английская политика XVII и начала XVIII века вертелась вокруг религиозных вопросов и противостояния парламента и короля. Вспомним Славную революцию 1688–1689 годов. У Якова II из династии Стюартов от супруги-католички родился сын-католик. При этом король мечтал об установлении в стране

абсолютизма, характерного для католических европейских стран. И поэтому в ходе Славной революции те, кому слова «католичество» и «абсолютизм» претили, свергли Якова, усадив на престол его дочь Марию, а заодно и ее мужа-нидерландца Вильгельма Оранского. С тех пор короли и королевы для издания новых законов должны были заручаться одобрением обеих палат парламента. Впрочем, после Славной революции религиозно-политические трения не закончились, а стали выражаться теперь в противостоянии двух партий, которые назывались «тори» и «виги».

Тори были сторонниками королевской власти и англиканской церкви. При этом в своих крайних проявлениях тори были сторонниками возвращения католического наследника Якова. В течение нескольких десятилетий после Славной революции в стране произошла целая серия якобитских восстаний.

Виги, напротив, были сторонниками подчинения монарха парламенту, а также веротерпимости. При этом монарх в их представлении должен был исповедовать протестантизм.

В 1714 году королева Анна умерла, не оставив наследника, и борьба двух фракций вступила в критическую фазу. Анна относилась к династии Стюартов, исповедовала англиканскую веру, а в политических взглядах была сторонником тори. Единственным возможным наследником-протестантом был Георг, курфюрст Ганноверский – лютеранин и виг по убеждениям. Воссев на престол в качестве Георга I, он основал Ганноверскую династию. Таким образом, к политической власти в стране пришли виги. И за дело они взялись в крайне жестком стиле, изгнав тори со всех управленческих постов, из армии, университетов и Церкви. Не остался в стороне от этой травли и сэр Кристофер Рен, видный сторонник тори, семья которого верой и правдой служила династии Стюартов начиная с его отца, присягнувшего Карлу I еще до начала гражданской войны. Сменил его на почетном посту конечно же сторонник вигов. Уже через год с Рена были сняты обвинения, а его преемник был снят с должности за взяточничество и некомпетентность, но тем не менее теперь Великий архитектор оказался в очень уязвимом положении.

Коренной перелом в расстановке сил вкупе с окончанием восстановительных работ перекрыл каналы, по которым состоятельные представители тори оказывали покровительство «принятым каменщикам», разбогатевшим на воссоздании Лондона из пепла Великого пожара. У руля встали виги, и ложи каменщиков они также захотели прибрать к рукам.

Доктор Дезагюлье

Пивная «Гусь и решетка» располагалась на улочке Сент-Полз-Чёрч-ярд, огибавшей с южной стороны великий собор. Таверны и книжные лавки этого района Лондона были центром культурной жизни задолго до пожара. Вот и «Гусь и решетка» была не простой пивной. Бесспорных документальных свидетельств нет, но с большой долей вероятности именно здесь в 1691 году сэр Кристофер Рен стал «принятым каменщиком».

24 июня 1717 года, в День святого Иоанна Крестителя, в «Гусе и решетке» собрались четверо мужчин. Они были представителями четырех масонских лож. Каждая из лож именовалась в честь той таверны, в которой проходили собрания: «Корона» на Паркерз-лейн, «Яблоня» на Чарльз-стрит в Ковент-Гардене, «Кубок и гроздь» на Чэннел-роу в Вестминстере и, наконец, сама «Гусь и решетка».

Целью встречи было избрание на первый взгляд ничем не примечательного джентльмена, книготорговца по имени Энтони Сейер, на новую должность Великого мастера. Последствия этого собрания окажутся наизначительнейшими. Вскоре будет создана Великая ложа, которая будет устанавливать правила и нормы для всего братства. Современное масонство появилось именно в тот день в 1717 году. И в 2017 году братья по всему миру праздновали трехсотлетний юбилей.

Итак, встреча в «Гусе и решетке» стала поворотной точкой в истории масонства. И от этого еще сложнее понять, почему именно о ней мы знаем так мало. Всех четырех пабов, конечно, уже давно нет. Но удивительно, что масоны, обычно тщательно документирующие свои встречи, не оставили письменных свидетельств именно об этой. Как мы увидим, причины на то имелись. Годы с 1717 по 1723-й стали для всего масонства самыми важными, но они же окутаны самой плотной завесой тайны, поэтому на них стоит обратить особое внимание.

Появление того, что вскоре будет названо Великой ложей, произошло непосредственно после того, как закончилось государственное финансирование восстановления Лондона и к власти пришли виги. Создали Великую ложу амбициозные люди, и все они были вигами. И много важного мы поймем, тщательно изучив историю жизни главного организатора встречи в «Гусе и решетке», докторе Джоне Теофиле Дезагюлье.

Доктор Дезагюлье – важнейшая фигура в создании ритуалов и определении ценностей современного символического масонства. Он не только был одним из создателей Великой ложи, но организовал на собраниях ложи чтение научных докладов и доказал братьям важность участия в благотворительности. Он много путешествовал, распространяя идеи братства по Европе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.